

Ирина Арсентьева

Время
пожить для себя...

Ирина Арсентьева

Время пожить для себя...

«Издательские решения»

Арсентьева И.

Время пожить для себя... / И. Арсентьева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902112-0

Время пожить для себя... Сколько нужно времени, чтобы пожить для себя? Этот вопрос задавал себе каждый из вас. Так вот, чтобы пожить для себя, нужна целая жизнь. Это книга автора короткой прозы Ирины Арсентьевой о любви, дружбе, счастье, разочарованиях и предательстве. Перед читателем открывается мир эмоционального художественного слова, сказок, юмора и тонкой эротики. Рассказы, миниатюры и эссе читаются легко и увлекают с первых строк. Книга содержит фотографии и иллюстрации автора.

ISBN 978-5-44-902112-0

© Арсентьева И.
© Издательские решения

Содержание

У любви нет прошедшего времени...	6
У любви нет прошедшего времени	7
О медузах и телячьих нежностях	7
О «капитане подводной лодки» и о солнечных зайчиках	8
О подснежниках и черно-белых фотографиях	10
О дачных премудростях и парном молоке	12
О белых лилиях и оркестре Поля Мориа	14
О служебном романе и райском наслаждении	15
О «бесе в ребро» или закате на красном озере	17
...Рыжей лисицей	19
Женщины	20
Глава первая	21
Мария	22
Глава вторая	25
Лидия	26
Глава третья	31
Вера	32
Глава четвертая	34
Ольга	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Время пожить для себя...

Ирина Арсентьева

Дизайнер обложки Ксения Алексеева

© Ирина Арсентьева, 2018

© Ксения Алексеева, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-2112-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие мои читатели!

Вы держите в руках мою первую книгу «Время пожить для себя...», над которой я работала около трех лет. О чем она? О моей жизни, конечно. О людях, которые встречались на моем пути. О родителях, которые ушли очень рано и по которым я очень скучаю. О моих подругах, таких разных, но вместе с тем любимых мною. О любви, которая подарила мне минуты счастья и вдохновения. О простых вещах, которые окружают нас и становятся необыкновенными, стоит только посмотреть на них по – другому.

Творчество всегда присутствовало в моей жизни. Этому научила меня мама. Моя маленькая внучка стала моей музой, она помогла мне вновь посмотреть на мир детскими глазами и увидеть его разноцветным.

Дарю вам этот мир и надеюсь, что минуты, проведенные за чтением, принесут вам много радости, хорошего настроения и откроют в памяти страницы ваших собственных воспоминаний и переживаний.

Благодарю всех, кто поддерживал и помогал мне при написании этой книги. И тех, кто был первым моим читателем и критиком. Без всех вас не исполнилась бы моя мечта.

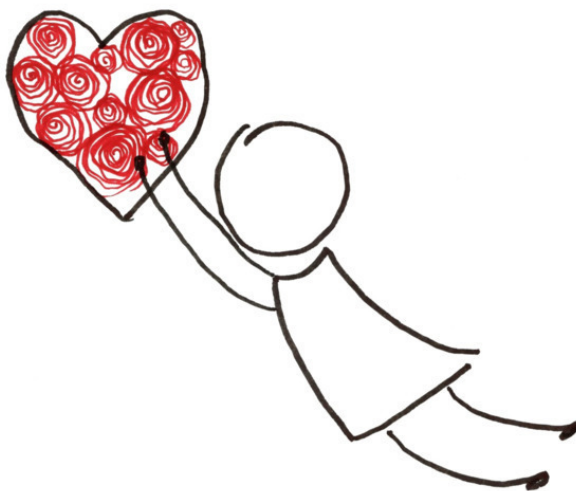
С любовью к вам ваш автор.

У любви нет прошедшего времени...

**У любви нет прошедшего времени,
Кто-то умный когда-то сказал,
Просто где-то кому-то Бог временно...
Дал ЕЕ на чуть-чуть... и забрал...**

Людмила Букреева

У любви нет прошедшего времени (Повесть)

О медузах и телячьих нежностях

Мои первые детские воспоминания – это летний отпуск в Гаграх. В Гаграх мы отдыхали дикарями. Снимали комнату у местных жителей за рубль койка-место и отдыхали, как душе было угодно. В Гаграх было два пляжа, песчаный для основного контингента отдыхающих, и «дикий», как мы его называли. На «диком» пляже народу было мало, так как лежать на камушках, отшлифованных морем до правильной эллипсовидной формы, не многим хотелось. Хотелось нежиться на мягком желтом песочке, толкаться и, запинаясь друг об друга, пробираться к теплой соленой воде, чтобы погружать в нее время от времени свое разогретое и даже слегка поджаренное тело. Родители мои, не любившие суеты и толкотни, предпочитали уединиться на «диком пляже», где удобно расположившись на расстеленном коврик, мы загорали, строили песчаные крепости, рассматривали живность, пробежавшую мимо, и поедали огромное количество фруктов, купленных на местном базарчике.

Однажды, перепрыгивая через волны, набегавшие с определенной ритмичностью на берег, я была похищена одной из них. Волна быстро накрыла меня своим капюшоном и потащила в глубины Нептунова царства-государства. Через секунду мамина уверенная рука вернула меня обратно, но честно скажу, воды я боюсь до сих пор. Ощущение потери дна влечет за собой ощущение нехватки воздуха.

Еще было замечательно, насидевшись в воде до синевы губ, лежать на крепкой отцовской спине и отогреваться. Он был очень крепким и выносливым, как все спортсмены, и многочисленные горные прогулки я проводила у него на шее. С высоты его роста я и созерцала красоты абхазской природы.

По вечерам мы сидели в хозяйском саду и наблюдали за полетом светлячков. В саду росли удивительные георгины, высотой с деревья. Светлячки тоже были по моим меркам настоящими гигантами. Летая стройными рядами, они мигали яркими фонариками, сигнализируя о чем-то своим родичам.

...Вася был подростком двенадцати лет. Его семья также снимала комнату у наших хозяев. Он брал меня в плаванье на своей надувной лодке. Всматриваясь в морские глубины, мы обнаруживали огромное количество плавающих в толще воды полупрозрачных зонтиков медуз. Вылавливая одну за другой, мы грузили их в лодку до тех пор, пока это было возможно. Гордые и довольные уловом мы причаливали к берегу и, высыпав всех отловленных Горгон, о которых наслушались накануне, наблюдали за их дальнейшей судьбой. Невероятно быстро все они превращались в маленькие лужицы и вскоре вообще исчезали. На берегу оставались лишь столетиями лежащие камешки, тела людей, окаменевших от взгляда морских дьяволиц.

Мне было пять лет, и счастье мое было без границ...

Возвращаясь с пляжа в свое снятое жилище, мы проходили вдоль садов с роскошными цитрусовыми деревьями. У обочины дороги нас встречал маленький теленок Борька, привязанный к крепкому колышку. Я угощала его огрызками яблок и остатками наших съестных запасов, взятых на день. Помню его мягкий теплый нос и большой шершавый язык, которым он тщательно вылизывал мою маленькую ладошку, не упуская возможности лизнуть и щеку. За месяц нашего отдыха мы с Борькой полюбили друг друга. Расставание было горьким. Детские слезы текли рекой. «Борька, мы уезжаем!», лепетала я сквозь слезы. «Муууу!», долго слышалось в ответ, и я рыдала еще сильнее...

О «капитане подводной лодки» и о солнечных зайчиках

Солнечный зайчик блуждал, иногда подпрыгивая и трепеща, по стене кухни. Точно, как в классических фильмах про первую любовь. Все прильнули к окну, удивленно наблюдая за тем, что происходило внизу. Думали, что такое может быть только в фильмах. Мальчишка кружил на велосипеде с зеркальцем в руках.

...Накануне праздника 8 марта по традиции, которая и по сегодняшний день существует в школах, мальчишки нашего пятого класса решили поздравить нас, пигалиц, с женским днем. Наверное, рассмотрели какие-то первые, пробивающиеся наружу, словно весенние подснежники, женские черты. Мальчишки выбрали себе девочек не по жребию, а по симпатии. Как они договорились между собой? Это осталось тайной.

Вовка был красивым, что и говорить. Высокий, черноглазый мальчишка выделялся среди других уже тогда. В подарок от него я получила книгу «Бунт на корабле или повесть о давнем лете», в которую была вложена яркая открытка. И книга, и открытка по сей день занимают свое особое место в «шкатулке сокровищ» моих сердечных тайн.

Позже, уже в мае, меня пригласили к нему на день рождения. В подарок я гордо несла аквариумных рыбок, книгу «Слепой музыкант» и набор марок. Марки, по тем временам, были целым состоянием, их невозможно было достать, как и многое другое. А у меня этих наборов было несколько. Отец из командировок всегда их привозил. Это были и Олимпийские игры, и бабочки, и животные, и другие диковинные тематические наборы. Был у меня и альбом удивительной красоты. Твердый кожаный переплет и белые листы с тиснением. Полоски для марок необходимо было клеить самому. Это было чудесно, разложить марки по темам, потом пересматривать тысячу раз, и особенно хвастаться, а иногда и обмениваться. Это вам не социальные сети «Одноклассники». Это одноклассники в полном смысле этого слова. Мы дышали одним воздухом, играли в одни игры, жили по соседству, ну и все, что из этого следует...

Так с 8 марта зародилось чувство, которое называют «первой любовью», и о которой столько уже написано. Мы даже сходили в кино и по-взрослому восседали в кинотеатре «Юность», поглощая кукурузные палочки.

Наша любовь продлилась недолго, как положено, до летних каникул...

Мальчишка кружил на велосипеде и пускал солнечных зайчиков. Это было начало лета, тепло, васильков полный палисадник. И все, стоящие возле окна, прячась за шторы, думали: «Неужели это бывает не только в фильмах Одесской киностудии?»

А у меня было мое счастье...

Мы встретились через двадцать семь лет... Он уехал в Севастополь, поступил в Нахимовское училище и жил своей жизнью моряка, о которой мы ничего толком не знали, да и представить себе не могли. Знали только, что наш одноклассник Вовка – «капитан подводной лодки». И вот в дверях моей квартиры появилась записка. Я даже не сразу поняла, что в ней написано, но вот почерк... Он был точно таким же, как на той мартовской открытке. «Как она могла здесь появиться или я что-то путаю?» В голове на секунду заклинило, как зависает компьютер. «Надо еще раз перечитать». Вот он звонок из детства. «Зайду вечером»...

И вечером тревожный стук в дверь. «Боже мой, как страшно»... «Какими мы стали, а вдруг»... Не смогла открыть. Подошла к кухонному окну, и, как в детстве, смотрела, как из подъезда выйдет все тот же, прежний, «мальчик на велосипеде»... Он был также хорош, высокий, статный, только уже немного лысоватый...

Мы прошли по городу детства, нет моего дома, его дома, наша школа уже другая... Мы другие. Но мы дышали одним воздухом, читали одни книги, слушали одних учителей. Нам не надо было узнавать друг друга, мы были теми же, только очень взрослыми – красивая пара,

идущая по городу детства, «где каждый дом знаком, хоть глаза завяжи». И у меня опять было счастье... Оно было и состояло в том, что рядом с тобой человек, очень похожий на тебя, вы даже одеты одинаково, голубые джинсы и белые футболки, и начало лета... Только нет васильков в нашем палисаднике, и никто не подсматривает за нами из-за шторы. Мы идем сами по себе, ни на кого не обращая внимания, и мифы о «капитане подводной лодки» и «девочке – отличнице» с каждым шагом развеиваются как туман. Мы говорим о нашей жизни...

Больше мы не встретимся... Его не стало три года назад. Жесткий отбор и конкуренция заставили его много заниматься спортом, держать себя в форме, хотя форма у него была превосходной. Сердце его остановилось прямо на тренировке. Мальчик на велосипеде уехал в далекое далеко...

Он так и не узнал, что Севастополь вновь стал российским...

О подснежниках и черно-белых фотографиях

Я перебираю черно-белые фотографии. Их много. Они лежат в конвертах от фотобумаги. Туда их положила моя мама.

На тридцатилетие мама получила в подарок фотоаппарат. Это была ее давнишняя мечта заняться фотографией.

Она была необыкновенным человеком, моя мама. В детстве, погрузившись в чтение, она не только представляла картины из описаний автора, она даже слышала музыку. Все родственники не могли докричаться до нее, даже стоя над самым ее ухом. Так она была увлечена. Я помню ее всегда с книгой. Она читала и в тяжелые времена тоже. А когда находила в книге что-нибудь смешное, всегда зачитывала мне отрывки, и мы хохотали вместе.

Вместе мы часто выходили в нашу казахстанскую степь, чтобы увидеть наступление весны. Подснежников было так много, что степь казалась белоснежной. Несколько весенних цветочков мы приносили с собой и ставили их в маленькую глиняную вазочку, привезенную из Абхазии. Вазочка была необычайно красивой, снизу просто глиняная, а сверху покрыта толстым слоем эмали малахитового цвета. Она и стоящие в ней вестники весны были украшением нашего дома. Летом мы подолгу могли просиживать около маленькой норки и терпеливо выжидать, когда из нее появится ящерка или мышонок.

...Тогда из норки появился неожиданно чей-то маленький носик, потом два круглых любопытных уха и две черные бусинки глаз... Позже я написала сочинение об этом смешном зверьке, и в классе его читали вслух. Так учила видеть и слушать меня моя мама.

Впервые она расписала стену в моем детском уголке. Снегурка держала в руках алых снегирей, а елки, казалось, отряхнутся сейчас от морозного снега и покажут свои колючие иголки. Теперь моя дочь расписывает стены. Она – художник.

На фотографиях много стертых из памяти моментов. Вот мы первоклашки. Наша первая учительница Мария Федоровна. Мои одноклассники. Вот мы на экскурсии в совхозе, где тогда выращивали капусту. Смешные угловатые подростки. А вот и наш последний звонок. Мы долго тогда готовились к нему. Нарисовали эмблемы с колокольчиком, вот они приколоты к белым фартучкам. Репетировали песню «Чему учат в школе» и впервые на линейке спели ее, что произвело большое впечатление на учителей. Это сейчас стало традицией, и выпускники поют для учителей. А тогда мы первыми, пожалуй, позволили себе выступить на торжественной линейке с песней под гитару.

А вот я уже стала мамой. Мой первенец и я, совсем девчонка. Что бы я делала с ним, если бы не мама. Ничего не соображала еще. А вот уже и дочь. Потешные они, мои малыши. Всегда вместе, всегда рядом.

Больше фотографий нет...

Каждую субботу в кухне шли приготовления. Темная штора закрывала все окно, на столе размещалась специальная аппаратура – фонарь, ванночки с растворами, которые мы готовили заранее. Заранее проявлялась пленка в особом черном бачке. Крутить по часовой стрелке доверялось и мне. Потом, закрывшись и погрузившись в тишину, мы занимались настоящим волшебством. Выбирали лучшие кадры и, прикоснувшись друг к другу головами, шепотом считали до пяти. Раз, два, три, четыре, пять... И опять... Утром фотографии глянцевались. Щелк, и они соскакивали, гладенькие и теплые. Потом они раскладывались в толстые книги. Их и сейчас иногда можно найти в старых, пожелтевших от времени томиках классиков нашей литературы.

Может они будут прочитаны моей внучкой. Она забавная, моя внучка. Фантазерка. Хочет, когда я читаю ей рассказы о животных. Наверное, представляет себе хитрые носы, бусинки-глазки, пушистые и не очень пушистые хвосты и чьи-то длинные неуклюжие лапы.

Сегодня моя дочь и внучка пойдут в зоопарк, где разрешается гладить, держать в руках и даже кормить разных зверушек. Мягкие, пушистые, колючие, холоднокровные и покрытые шипами... Какие они? Может быть, когда-нибудь в классе вновь прочитают сочинение о смешном зверьке, показавшим из норки смешной влажный нос.

Снова март... Тает снег... Вот-вот появятся подснежники...

О дачных премудростях и парном молоке

Родители мои купили дачный участок, как и многие другие в наше советское время. Для нас, городских жителей, выросших в прямоугольных коробках домов и таких же прямоугольных коробках дворов, это было чем-то новеньким познакомиться с вопросами агрономии на практике. Конечно, нельзя сказать, что мы были испорчены прелестями жизни в мегаполисе. Наш шахтерский городок был настолько маленьким, что его можно было обойти вдоль и поперек всего за несколько часов. И степь, наша свободная широкая степь, откуда ветер постоянно приносил запах полыни и чабреца, открывалась взору сразу же за пятиэтажками. Поэтому мы имели возможность видеть, как распускаются весенние лютики, сон-трава, а летом колосится серебристый ковыль. Но вот о культурных растениях, которые должны были принести нам богатый урожай плодов и овощей, не имели никакого представления.

Для советских граждан летний отдых представлялся «упахиванием» на грядках с помидорами, огурцами, морковкой и другими посаженными растениями. Причем подготовка к этому моменту велась целую зиму. По почте выписывались сортовые семена, изучалась специальная литература, проходил обмен информацией с соседями и более опытными дачниками.

Бедные наши советские граждане! Они много лет подменяли понятие «отдых» понятием «упахивание» на так называемой даче. Почему «упахивание»? А по-другому это и назвать было нельзя. Надо было успеть сделать много необходимого для успешного произрастания и плодоношения посаженного всего за один выходной. Еще надо было на автобусе добраться до дома, привести себя в порядок и с чувством глубокого удовлетворения с красным обгоревшим лицом и плечами, до которых нельзя было дотронуться, начинать новую трудовую неделю.

Ближе к осени необходимо было вывезти богатый урожай также на автобусе и переработать его, превратив в варенье, соленья, компоты и другие вкусности. И опять это все нужно было проделать за единственный выходной.

Осознание всей прелести такого отдыха пришло ко мне гораздо позже, когда уже пришлось «впахивать» на даче, привлекая к труду своих подростки детей, чтобы как-то прокормить нашу небольшую семью. Особенно мы «пахали» в годы перестройки. Именно с этого момента и у меня, и у моих детей произошло неприятие слова «дача» и всего того, что с ней связано.

Но в то время, когда кусты малины казались нам малиновым лесом, все воспринималось иначе. Ведь мы-то действительно тогда отдыхали.

Запомнились, естественно, не грядки, не клубника с малиной... хотя малина как раз и запомнилась...

Вечером с субботы на воскресенье мы всей семьей оставались на даче с ночевкой. У нас был маленький, напоминающий сказочный, домик, деревянный, зеленого цвета. Карнизы и ставни каждое лето мы обновляли белой краской, оклеивали комнатку цветными обоями, развешивали ситцевые шторы и занавески, вымывали начисто полы, расстилали деревянную дорожку, расставляли фарфоровые статуэтки, сувенирчики, картинки, ставшие ненужными в городской квартире. С треском разгорались дрова в печке, домик наполнялся теплом. Чайник давно уже кипел, а я, блуждая в зарослях, собирала традиционный набор для заваривания чая, листик малины, листик смородины, веточка мяты, бутончик розы... Ах, какой это был чаек!!! Да вприкуску с комковым сахарком! Незабываемый вкус и непередаваемые ощущения! Вкус детства и ощущение счастья!

Солнце уже клонилось к горизонту, спадала июльская жара, и мы все вместе направлялись в расположившийся неподалеку поселок, прихватив с собой пустую баночку. Стадо уже вернулось, и мы ждали с нетерпением, когда же хозяйка нальет нам парного, такого сладкого и ароматного молока. Мы тут же, вымочив губы, нос и подбородок, прикладывались к краю

банки, причмокивая и облизываясь. Захватили с собой свежего сбитого маслица и рассыпчатого творожка, и бегом по песчаной тропинке обратно. Проходя мимо дачных участков, рассматривали, как обстоят дела у наших соседей, заходили в гости к тем, кто тоже остался, внимательно слушали рассказы об успехах в садоводческом деле и обходили участки с видом знатоков.

Зажигали свечку и в тишине ели малину, залитую парным молоком, запомнив ее на всю оставшуюся жизнь как любимое блюдо Екатерины Великой...

О белых лилиях и оркестре Поля Мориа

Я – студентка... Для меня началась новая жизнь. Самостоятельная. Чтобы как-то обезопасить меня от самостоятельности, Славику было дано задание присматривать за мной и оказывать всяческую поддержку.

Он был взрослым, старше меня на девять лет, учился на последнем курсе и уже отслужил в армии. Красивым он не был, зато был очень серьезным и умным, и казалось, знал все на свете. По крайней мере, он был уже молодым мужчиной и, конечно, от мальчишек, которые меня окружали в школе, отличался всеми перечисленными качествами.

Он относился ко мне бережно, интересовался всеми моими делами и позволял себе лишь иногда подержать меня за руку. Возможно, это была просто его манера разговаривать и добиваться откровенности в общении. Но мне этого вполне хватило, чтобы влюбиться в него по самые уши. Я его боготворила по-настоящему. Как ученики боготворят своего учителя.

Но моя любовь была только моей, я ее придумала и купалась в ней с удовольствием. Мне было хорошо. Я купила пластинку «Оркестр Поля Мориа». Повсюду мы были со Славиком. Здесь гуляем по осеннему лесу, кружатся желтые листья. Здесь бежим по песчаному берегу, волны мягко лижут наши ноги и превращаются в пену, унося от реальности. Здесь мы укрылись от проливного дождя под зонтиком и танцуем понятный лишь нам двоим танец любви. Крутилась пластинка, музыка слетала с нее и звучала в моем сердце...

Я начала сочинять стихи. Они были грустными – о безответной любви. Но меня это несколько не огорчало, ведь объект моих страданий был рядом со мной большую часть дня.

Особенно я скучала на «сельхозке». По ночам подолгу всматривалась в звездное небо и писала свои стишки. Моя студенческая подруга Ленка плакала даже. Она была первым моим слушателем и свидетелем моей любви.

...Надеяться мне больше не на что, сказка закончилась. Он женился и уехал. Горе мое было без меры...

Мы встретились еще только один раз, примерно через два года. Он был уже в разводе. Встреча наша совпала с моим днем рождения. Его розы были необыкновенно красивыми, но казались мне какими-то неживыми. Белые лилии были свежими, как юная невеста, и запах их кружил и дурманил голову.

Два букета в тот день стояли у меня на столе и, соперничав, вели свой, никому не понятный, разговор. Белые лилии оказались убедительнее...

Стихов я больше не писала, и оркестр Поля Мориа больше не звучал в моем сердце...

О служебном романе и райском наслаждении

Все вокруг них дышало любовью. Те, кто в тот момент находился в их окружении, не могли не замечать, что воздух пронизан флюидами удивительного чувства. В тот год в коллективе царил особая атмосфера, хотелось собираться, отмечать все дни рождения, петь популярные, простые донельзя по содержанию, песни и устраивать танцы после вкусного перекуса и рюмочки хорошего горячительного. Они даже сыграли в КВН с таким воодушевлением и накалом эмоций, что их посчитали тогда лучшей командой. Никто не мог понять, отчего так происходит. Это было тайной. Это был служебный роман.

Их чувство родилось неожиданно. Пальцы рук вдруг встретились, соприкоснулись и не отдернулись друг от друга как от разряда электрического тока, а наоборот медленно начали свое скольжение, неторопливо ошупывая то, что вскоре предстояло изучить до самой маленькой черточки на ладони. Необъяснимое тепло вмиг разлилось и заполнило их полностью. Выбора не оставалось...

Руки их встретились при весьма прозаических обстоятельствах. Он просто угостил ее шоколадным батончиком «Баунти», который только что появился в продаже и был разрекламирован как «райское наслаждение». Перестройка еще только началась, а дыхание ее становилось все ощутимее. Они еще не догадывались, какие перемены выпадут на их долю. Но время нестабильности, развала и разброда началось для них с неожиданного развала Советского Союза, а чуть позже и с неожиданной замены рубля на национальную валюту. Многие, имеющие тогда скудные накопления, в один момент их лишились. В кошельках у всего населения оказалась одинаковая сумма, на которую нужно было научиться жить по-новому.

Время было, что и говорить, аховое! Как они его тогда пережили? Отопления, газа и света практически не было. В домах начали устанавливать так называемые «буржуйки», вокруг которых собиралась вся семья в ожидании ужина, одновременно отогреваясь у огня. Те, кто «буржуйку» установить не мог, выходили на улицу, разводили костры и прямо на них разогревали еду или кипятили воду. Там же у костров вели долгие разговоры о политике. Каждый выживал, как мог. Иногда грелись у кого-нибудь в машине, радовались, если удавалось помыться у знакомых в бане, делились продуктами, готовили простую, совершенно несытную, пищу и засыпали с единственной мыслью, чем и как завтра кормить детей. Утром при свете свечки, собравши все свое мужество и героизм, чтобы вылезти из нагретой изнутри постели в холодную реальность, собирались на работу. Шли по темным улицам с детьми, которых ждали холодные школы...

Тогда у многих возникла потребность что-то изменить в своей жизни. Некоторые, не выдержав, уезжали за рубеж, другие просто двигались наугад. Некоторые делали вид, что меняют свою жизнь.

Их роман тоже отчасти давал им ощущение перемены, вносил в однообразное серое течение жизни редкие яркие мазки запретного.

Им было хорошо вместе, тепло и радостно, было о чем поговорить и что обсудить. Он поддерживал ее как мог. Она узнавала его по шагам и стуку в дверь. Они светились изнутри, распространяя это свечение на все и на всех. Только охапки сирени были свидетелями их разгоравшейся любви...

Все, к сожалению, имеет начало и конец... Кончился и их роман. Его семья тоже поехала строить новую жизнь, а скорее всего, чтобы избежать опасности разрушения, в другую страну.

Она догадывалась, что это навсегда, но он так до последней минуты не смог сказать правды. Позже в письмах она получила его признания. «Что может дать нищий прекрасной королеве», – эти слова красной нитью проходили через строчки его письма и служили, по-видимому, каким-то оправданием.

Она долго хранила его письма, перечитывала их, обливаясь слезами, и долго не пускала никого в свое сердце. Подружки даже начали собирать ее в поездку, чтобы поставить точку в их отношениях. Точку она поставила сама, правда через много-много лет.

Он остался в ее памяти «райским наслаждением» среди чудовищной действительности. А все окружающие еще долго, вспоминая то время, говорили: « Мы жили тогда в какой-то постоянной любви»...

О «бесе в ребро» или закате на красном озере

Только к вечеру они добрались до озера. Оно было красным то ли от красного глинистого дна, то ли от клонившегося к закату солнца, то ли от того и другого. На озере они были совершенно одни. Это было еще то время, когда им не нужен был никто посторонний. Было так хорошо вдвоем, что не имело даже значения, куда отправиться на этот раз, лишь бы вместе. Рядом.

На берегу ивняк сплел нечто вроде маленького шалашика, где она удобно разместилась и наблюдала за тем, как он отплывает от берега на лодке. Она не первая сидела в этом, приготовленном самой природой, укромном местечке, земля была утрамбована и носила следы человеческого пребывания.

Тоска, непонятная, нежная и одновременно до такой степени щемящая, что выступили слезы, захватила ее сердце. И ей впервые в жизни захотелось громко прокричать о своей любви. Он услышал ее призыв и помахал рукой с середины озера.

Солнце уже зацепилось краем за горизонт и начало свое медленное скольжение. Лучи его четко выделялись на фоне темнеющего неба и были похожи на шелковые нити. Она мысленно брала их одну за другой и вплетала в волшебный ковер любви...

«Бес в ребро» бывает не только у мужчин... Ее бес поселился в ней после сорока. Нахлынуло вдруг какое-то ощущение счастья и любви ко всему вокруг. Если бы в тот момент на ее пути встретился крокодил, то и крокодила бы она наградила всей силой нерастраченной нежности и заботы, на которые была способна.

Но повстречался ей именно этот молодой мужчина, который только-только становился на ноги. Ему еще предстояло заявить о себе и понять себя, и для этого ему нужна была именно она.

Он уже давно положил на нее глаз, но никак не мог решиться перепрыгнуть через омут, который унесет его в неизвестность. Остерегался ее опыта, своей неопытности. Да и друзья-товарищи говорили, куда ты, мол, лезешь, она видела такое, что ты не видел, с чем ты к ней «подъедешь»? Он не испугался и «подъехал». И ей понравилось, что он не боится ее. Он, конечно, старался изо всех сил, придумывал, чем бы ее удивить и привлечь внимание.

Постепенно он занял все свободное пространство, которое как раз образовалось в ее сердце. Адреналин запретности подливал масла в огонь разгоравшейся страсти. Она не замечала ничего вокруг, была счастлива своим тихим счастьем и ничего не требовала взамен, просто наслаждалась жизнью, вновь почувствовав ее неповторимый вкус.

Можно было тихо сидеть под деревом и поглощать сочную сосиску, зажаренную на огне вместе с корочкой хлеба. Можно было шуршать опавшими листьями и складывать в корзинку найденные им маленькие крепкие грибочки. Можно было приготовить что-нибудь вкусенькое и смотреть, как он уплетает за обе щеки и старается запомнить рецепт. Можно было кататься на рамке велосипеда и выписывать зигзаги на дороге, потеряв управление во время поцелуя, можно было... Много можно было и многое нельзя...

Солнце медленно опускалось за горизонт, и озеро становилось с каждой секундой кроваво-красным, будто предупреждало о надвигающейся опасности. Вот уже осталась тонкая догорающая полоска, и она вдруг ударилась о горизонт, раскололась и исчезла.

Точно так же потом раскололась и их любовь, раскололась, рассыпалась на мелкие кусочки, которые стали собирать все, кому не лень, а собравши, пытались рассматривать их и составлять картинку, складывая пазлы по своему образу мыслей и фантазии. И была эта картинка ох! как далека от реальной.

Два самых ярких осколка отлетели друг от друга так далеко, что никто даже и подумать не мог, что когда-то они были одним целым. Теперь они стали частью новых мозаичных картинок, на которых в левом нижнем углу запечатлен закат на красном озере...

...Рыжей лисицей

Осень рыжей хитрой лисицей, однажды проникнув в сердце, поселилась там навсегда. Ее звали Любовь.

Она вытворяла такие штуки, что порой не верилось в происходящее. Притворялась мягкой, пушистой шкуркой, лежала у ног, отогревая замерзшие щиколотки. Апельсиновым шарфиком кружила вокруг шеи, ластилась, юркой змейкой заползала за пазуху. Свернувшись безразличным калачиком, подолгу спала, уткнувшись носом в мягкий уголок подушки. Предавалась мечтаньям, прищуривая глаза. Высунув кончик острого розового язычка, подолгу не отводила глаз, наблюдая за реакцией на свои проделки. Хитрила, как могла.

...Любовь ко всем приходила весной цветами, пением птиц, изумрудной листвой. А ко мне пришла в сентябре желтыми кленовыми листьями, каплями грустного дождика на окне и туманным плащиком серого утра.

За это я и полюбила ее, свою Лисицу. Радовалась, оберегала, лелеяла и выращивала, как маленького мокрого лисенка, оставшегося в одиночестве. Но Лисица моя не была лисенком. Она была матерой хитрой рыжей бестией и пользовалась моими слабостями, возникающими вдруг с ее появлением.

...Вначале я смотрела на него как зачарованная, вслушивалась в каждое слово, сказанное им, как в Молитву, боялась даже пошевелиться, чтобы не спугнуть. Писала неумелые, но проникновенные, вышибающие слезу, стихи. Слушала грустные мелодии, летающие с тонких дорожек виниловых пластинок. Желала дарить все, что имела сама, за одно прикосновение руки. Рыдала и жалела преданную свою мечту, рассказывала осенним холодным высоким звездам о его глазах, таких же холодных и равнодушных. Ты, Лисица, сыграла тогда со мной злую шутку. Подсунула суррогатный заменитель. Не смогла выдержать слез, наверное. Они ведь были еще невинными, мои слезы.

...Однажды осенью попробовала на вкус запретное. Оно было как райское наслаждение. Ему тоже, кажется, тогда понравилось. Ненадолго потерялась реальность. Ему удалось на время завуалировать серую действительность сиреневым атласом мая, бархатом заботливых прикосновений, ароматом прощального парфюма.

Ты тогда надолго покинула меня, Лисица. Не появлялась, не хотела показать издали даже кончик своего носа. И следов твоих не наблюдалось поблизости. Обиделась, наверное. И даже мои слезы не смогли тебя разжалобить. Нагрешила, как оказалось.

...А потом с разбега бросилась в бездну страсти, ушла, погрузилась как в омут с головой. Ходила счастливая, ничего не видела, не слышала и не замечала. Просто пила жизнь жадными глотками. Прощала и прощалась, пытаюсь удержать нежданное свое, вдруг нахлынувшее счастье.

И теперь ты решила остаться со мной, моя Лисица. Старая и мудрая ходишь около, приглядываешь слегка подслеповатыми глазами, трешься поредевшей и чуть посеревшей шубой. С тобой вместе сидит и моя голова.

А то вдруг взгляд твой станет хитрым, как раньше, махнешь пламенем золотого хвоста, и ищи тебя тогда среди осеннего леса! Или это вовсе не ты бередишь душу? Просто шелест осенних листьев навеивает грусть, и кажутся уходящими твои осторожные невесомые шаги...

Женщины (Повесть)

«С возрастом они будут становиться все важнее в твоей жизни. Тебе нужны будут другие женщины – это подруги, дочери, внучки, сестры, снохи, золовки, матери, бабушки и другие родственницы. Женщинам они всегда нужны. Они все благословляют нашу жизнь!»

Этот отрывок из статьи неизвестного автора, который я однажды совершенно случайно получила в рассылке по Интернету, пробудил во мне неутолимое желание написать о том, какую роль сыграли женщины в моей жизни. Это оказалось настолько сложной задачей, что при написании мне приходилось прерываться практически через каждые две строчки. Такой работы мысли я давно не проделывала. Это – мои воспоминания, размышления, попытка анализа. По мере написания я все более и более убеждалась, что мое видение и мнение однобоко и, возможно, необъективно. Тогда я и решила добавить небольшие истории из жизни этих женщин для лучшего понимания их характеров. У меня спрашивают, зачем мне это нужно? Я вовсе не пытаюсь объяснить происхождение некоторых черт характера своих и моих ближайших родственников, как может показаться на первый взгляд. Но коль существует генетическая память, и сны частенько уносят меня в такие временные измерения, что моему удивлению не бывает предела, почему бы не попытаться приоткрыть занавес истории, скрывающий эволюционные процессы своего генеалогического древа! И почему бы не вспомнить своих подруг, если представилась такая удивительная возможность сказать всем им о своей любви...

Глава первая

Мария

Мария Николаевна. Моя бабушка. Я ее совсем не знала. Редко видела. Отношений «бабушка – внучка» у нас не было. Я не знаю, что такое бабушкины пирожки, блины, котлетки, вязанные носочки, сказки на ночь, стаканчик молока и утренняя каша. Не знаю и бабушкиных рук, которые обычно гладят по лохматой голове и обнимают крепко-крепко, чтобы не отпустить. Она была бабушкой другого своего внука. Она брала его с собой в геологические партии, где работала поваром, кормила его там всем вышеперечисленным, имеющим непосредственное отношение к бабушкам. А на все лето, пока длилась экспедиция, заменяла ему мать.

Маша была дочерью беглого, скрывающегося в Сибири от раскулачивания, Николая Григорьева. Из своего детства она мало что помнила, поэтому сведения о наших предках, попавших в сети политического террора, со временем утеряны и стерты из памяти. В сибирском селе начинался новый постреволюционный период жизни их семьи. Репрессии наложили мощный отпечаток на характеры беглых и сосланных. Они были суровы, скрытны, разочарованы. Радость исчезла с их лиц. Появилась настороженность, если более точно определить это состояние.

Маша вышла замуж за сына раскулаченного и сосланного. Коротким было ее счастье. Показалось, что жизнь налаживается. Родились одна за другой дочери-погодки, Лидия и Тамара. И вновь разрушенные судьбы, горе в домах похоронками, слезы реками, дети – сироты. Это война... Она никого не пощадила, забрела далеко, даже в те места, где прижились пострадавшие уже однажды и не единожды от зигзагов исторических событий люди с грустными лицами и серьезными мыслями.

Мой дед Алексей Меренчук погиб в битве под Москвой. Это была Ржевско-Вяземская наступательная операция 1942 года, в которой простились с жизнью, тихим семейным счастьем, мечтами и надеждами около двух миллионов человек, мужчин и безусых еще мальчиков. Самой многочисленной по количеству убитых была эта операция. Он был связистом, мой дед, и одним из первых встретил вражескую пулю. И было ему только двадцать восемь лет.

Мария осталась одна с двумя детьми.

...Маша была красивой. Черные прямые волосы, карие, с легкой позолотой, глаза и немного курносый нос, который совершенно не портил ее лица. А вот губы всегда поджаты, что создавало иллюзию или постоянного недовольства, или надменности.

Михаил Свирин был снабженцем во время войны или, как говорили тогда, заготовителем. Его, как и многих других, очень важных людей, необходимых для фронта в тылу, отправили подальше от линии, которая условно отделяла жизнь от смерти.

И надо же было такому случиться, что попал он именно в село Мошково, что неподалеку от Новосибирска, центра Сибири. Занимался заготовкой продовольствия для фронта и по сравнению с местными жителями, ощутившими к тому времени не только сибирский холод, но и леденящий тело и сознание голод, был весьма обеспеченным человеком. Семья Свирина осталась в оккупации, и никаких сведений с начала войны ни о жене, ни о сыне он не получал. Первое время он еще надеялся на чудо, ждал хотя бы маленькой весточки. Но чем сильнее становилась вера в нашу победу, тем слабее были его надежды.

Мария с двумя дочерьми получила похоронку холодной ранней весной. Медленно таял снег в тот год. Медленно текли горькие слезы по щекам. Все смешалось в душе молодой женщины, вопросы, обрывки каких-то предвоенных воспоминаний, картины из ее безоблачного детства. Мысли проносились в голове вихрем, таким же, как мчался когда-то, очень давно, табун отцовских породистых скакунов в «цареве городище» Кургане, откуда бежали они, распродав все свое имущество, чтобы скрыться от раскулачивания.

Все ее нынешнее положение усугублялось еще и тем, что она после гибели мужа осталась жить в его семье, как было положено по сельским законам. К тому же, отца ее все-таки арестовали и сослали куда-то к самому черту на кулички, в Пермь, на долгие годы, включая и военные. Мать вскоре после ареста отца заболела и умерла, оставив на попечение старших братьев несколько младших детей, включая и четырнадцатилетнюю Машу. Самого младшего брата Ваню, которому не исполнилось еще и года, сама Маша отнесла в приют и, положив на крыльцо, долго стояла за углом соседнего дома, наблюдая за тем, как скоро его обнаружат и заберут.

Все, что окружало Машу в новой семье, было для нее чуждо. Оставшись без поддержки родителей, она тяжело переживала разницу в устоях этих двух, таких непохожих друг на друга, семей. Ее гонористый, подчас несгибаемый характер, не позволил ей приспособиться к новым жизненным условиям. Ей все время казалось, да и не казалось это вовсе, что ее заставляют выполнять подчас самую черную работу. Свекор и деверь, не призванный в армию из-за своей врожденной глухонемой, тем сильнее старались подавить горделивый характер невестки, чем сильнее она не хотела подчиняться. Каплей, переполнившей чашу ее терпения, стали домогательства деверя. Надо же, глухонемой, а туда же! А как вы думаете, силушки-то нерастраченной сколько, огого!

Спасительной соломинкой или спасательным кругом, если хотите, стал для Марии тот самый Свириин Михаил, мужчина обеспеченный и образованный. Окружавшие ее «мужлань» ни в какое сравнение не шли с обходительным интеллигентом. И, недолго думая, она клюнула на эту удочку. Самое главное, что так поступила бы и любая другая из нашего женского рода-племени, оставшись в подобном положении. Свириин быстро уговорил Машу оставить семью мужа, принял ее с девочками, стал заботиться о них. Тем более что к этому времени считал свою семью погибшей. Сказать, что Маша полюбила его, было бы неправдой. Скорее, это было чувство глубокой признательности, уважения к взрослому солидному мужчине. Ведь она, по сути дела, так и осталась девчонкой, еще совершенно неприспособленной к жизни. После войны у них родилась дочь. Девочка получила имя Любовь.

Как каждый предприимчивый человек, а таким и являлся Свириин, будучи снабженцем, он начал строить планы на дальнейшую послевоенную жизнь. Возвращаться на прежнее место, где все напоминало о жене и сыне, погибших в дни войны, не имело смысла. Решили ехать к каким-то дальним родственникам по его линии, жившим в то время в маленьком, еще только начинавшем строиться шахтерском городе Караганде. На этот, серый, невзрачный, состоящий в основном из бараков да землянок, городок возлагали тогда большие надежды. Добыча угля все-таки! Да и медеплавильный завод тут же.

Дорога в Казахстан оказалась долгой. Движение поездов после войны еще не было отлажено. Подолгу стояли на станциях, да и вагоны не были приспособлены к суровому климату. Малышка Любочка простудилась в этой поездке и через некоторое время умерла от воспаления легких.

Караганда встретила Машу и Михаила недружелюбно. Картины счастливой богатой жизни на новом месте, которые рисовали родственники, уговаривая на переезд, никак не совпадали с реальными. Серая пыль рудника, неприспособленное для жизни жилье, длительная неустроенность вот что встретило нежданных переселенцев.

А тут, как снег на голову, известие, доброе или недоброе. Радоваться или печалиться? Что будешь делать в такой ситуации? Объявилась семья Свирина. И жена, и сын выжили. И вскоре сын приехал и забрал отца. Уж не знаю, какая у Маши с Михаилом была договоренность. Может, обещал он ей вернуться, может, сказал, что едет утрясти все проблемы, связанные с предыдущим браком. Это не известно. Только не вернулся он больше, не объявился ни разу, не написал даже письма. Мария вновь осталась одна. А через семь месяцев у нее родился сын Владимир, который никогда не увидел своего отца.

Мария замуж больше не выходила. Подняла троих детей. И только одному Богу известно, как ей и многим другим женщинам после войны это удалось. Об одном только жалела и часто говорила об этом с печалью в голосе, о том, что уехала из Сибири.

Все ее дети получили высшее образование, хотя сама Мария работала обыкновенным поваром и мало внимания уделяла воспитанию и образованию детей.

Одно я вам могу сказать точно, всю оставшуюся жизнь Мария мужчинам не доверяла, относилась к ним настороженно, постоянно ожидая от них предательства. Это ожидание незаметно и ненавязчиво, а, как говорят, «с молоком матери» было передано по женской линии.

Глава вторая

Лидия

Моя мама. Кем она была для меня? Всем. Прошло много времени с тех пор, как ее нет рядом. Гораздо больше, чем когда она была у меня. Но сейчас я с еще большей уверенностью могу сказать, что мы всегда были ВМЕСТЕ. Как сиамские близнецы, как «нитка с иглой», как «мы с Тамарой ходим парой», как «два брата-акробата»... Как еще можно определить это понятие «ВМЕСТЕ»? Я – вместо тебя, ты – вместо меня. Одно целое, неделимое. Вдобавок она была моим доктором. Не только моим, конечно. Но, все-таки, моим, в первую очередь. Вы доверяетесь своему доктору? Не просто доверяетесь, а доверяете свою жизнь. Правда? Вот и я, не задумываясь ни на секунду, доверила своей маме и себя, и свою жизнь.

В палате родильного отделения в жаркий июльский полдень я впервые увидела ее лицо. Она была очень красивой, нежный овал щек, мягкие губы, добрые темные, словно переспелая бархатная вишня, глаза. Болезнь набросила на нее свое бледное шелковое покрывало, и прядь ее каштановых волос прилипла к холодному лихорадочному лбу. Она была очень слаба, чтобы взять меня на руки. Пуповина, еще не перерезанная, связывала ее с другой жизнью и крепко держала. Она могла тогда незаметно уйти, но я сказала ей беззвучно: «Живи!» И она решила остаться.

Медицинскую практику Лида проходила в инфекционном отделении городской больницы. Было тяжело на позднем сроке беременности рассматривать обложенные языки, прощупывать и прослушивать перистальтику кишечника, изучать анализы вновь поступивших больных и выслушивать их нескончаемые жалобы. Она со всем этим справилась, как всегда, на «отлично».

Здесь она и заразилась желтухой.

В тот же день, в том же роддоме молодая женщина умерла во время родов. У нее был такой же диагноз – роды проходили на фоне развивающейся желтухи. Лида это знала. Она знала и то, что это смертельный риск. Но я попросила ее беззвучно: «Живи!» И она решила жить.

В первый день от роду я узнала отцовские руки и увидела солнце. Лиду перевезли в инфекционное отделение, где недавно она была практиканткой, и меня за компанию отправили туда же. Там мы ВМЕСТЕ провели первые недели моей жизни.

Лида и ее сестра Тамара вышли замуж в один год. Обе – студентки медицинского института, красивые и легкие, они всегда привлекали внимание парней. На танцы они собирались основательно. Воротнички белого шитья и носочки, такие же белоснежные, были отличительной чертой тогдашней моды. Отрезанные косы служили признаком скорого взросления и самостоятельности. Локоны, накрученные на папильотки, были уложены со знанием дела. Раскрасневшиеся пухлые щеки, блестящие черные, как угли, глаза и лучезарная улыбка, все это отличало Лиду от сдержанной холодноватой, но такой же красивой, сестры.

Арсентий был на три года старше Лиды и к этому времени уже окончил горный техникум. В семье их было пятеро детей, и он был младшим.

Мать одна воспитала их.

В 1937 году Арсентию исполнилось два года. Некоторое время мать пыталась выяснить, за что ее муж был арестован, где находится и что с ним. Ответ был коротким, как выстрел: «Забудь. Не ищи. Подумай о детях». Несколько пунктов 58 статьи вычеркнули из памяти все, что было до этой семейной трагедии. Дети лишились не только отца, но и детства. Стали неразговорчивыми и ершистыми. О своем отце никогда не рассказывали, будто его и не существовало вовсе.

Десятилетним подростком Арсентия определили в интернат. Это случилось как раз после войны. Вероятно, это был единственный способ выжить и получить образование. Однажды, проделывая привычный путь от дома, который разрешалось посещать по воскресеньям, до интерната, Арсентию пришлось пробираться через глубокие сугробы. Он по пояс утонул в мягкий белый снег, неожиданно засыпавший все знакомые тропинки между высокими соснами всего за одну ночь. Он уже порядком устал и остановился на минутку, чтобы перевести дыхание. Холодный адреналин страха пробежал вдруг по его спине. Серые, неподвижные от злости, глаза волка смотрели прямо в его, расширенные от неожиданности, зрачки. Упав в сугроб лицом в снег, он ни о чем не думал тогда. Просто упал и долго лежал неподвижно. Но тогда именно это и спасло ему жизнь.

На свадьбе Лида была грустной. Она поняла, что совершает ошибку. Арсентий ее разочаровал уже тогда. Но отказать жениху накануне свадьбы было стыдно. Воспитанная на классической литературе и верившая в истинные человеческие ценности, Лида не принимала обмана в любом его проявлении. Поэтому на свадьбе она была очень грустна. И даже простой свадебный наряд ее, а это было плотное шелковое белое платье и небольшой белый букетик цветов в волосах, выглядел печальным.

Через год после свадьбы у Лидии и Арсентия родилась дочь, которую назвали Ириной. Иринкой звали меня, мои родители.

«Вырастет моя Иринка, и у меня будут такие же духи!» Так думала Лида, пробегая по длинному коридору медицинского училища. Легкий шлейф тонкого аромата, оставленный кем-то из более опытных преподавательниц, тянулся длинной змейкой.

Маленькая годовалая Иринка, удобно подкатившись под материнский бок, тихо посапывала во сне и не догадывалась, что молодая женщина, мечтавшая о духах, вскоре произнесет слова, которые дочь ее запомнит на всю оставшуюся жизнь. «Ира, никогда не жди, пока вырастут дети. Живи здесь и сейчас. Носи красивое белье, надевай красивые платья, украшения, читай хорошие книги, ешь из дорогой посуды». Именно так и сказала мне моя мама.

Три года отработки в Кзыл-Ординском медучилище, куда Лиду распределили после окончания мединститута, пролетели быстро. Она была самым молодым преподавателем. В этом чужом южном городе, где летом от палящего зноя можно было укрыться только под кроной деревьев да вблизи многочисленных полноводных каналов, ее подругой стала Лилия Михайловна. Это была ее коллега, преподаватель со стажем, лет на десять старше и опытнее. Она много пережила к тому времени. Развод с мужем, а позже эта ужасная по своей трагичности история, которая произошла с ее несовершеннолетним сыном.

Как-то подростки собрались после школы пойти посмотреть на настоящее ружье, хранившееся дома у одного из друзей. Мальчишки, конечно, были в восторге. Крутили ружье и так, и эдак, рассматривая его со всех сторон. «Хозяин» ружья, как-то вдруг, неожиданно, наставил ружье на сына Лилии Михайловны и нажал курок. Ружье, не стрелявшее много лет, вдруг выстрелило, как это часто случается. Дым рассеялся, мальчишка от страха выронил оружие из рук, попятился и осел, зажмурившись от увиденного. Его друг, истекая кровью, сделал последний вздох и затих. Так друг нечаянно убил друга.

Эту боль утраты Лилия Михайловна носила в своем сердце до конца своих дней. Она стала мудрым другом для Лиды, отчасти заменив ей мать. Матери своей Лида никогда не рассказала бы того, что доверила старшей подруге. А рассказать было о чем.

Лида в этот период пережила много разочарований. Расценивала разного рода загулы Арсентия именно как предательства. Любая другая на ее месте сто раз простила бы, считая такое поведение мужчины за норму. Готовая к предательству со стороны мужчин по опыту своей матери, она его ожидала, и она его получала. Никогда не прощала и жила с этим грузом в сердце. Пытаясь ответить на вопросы, которые ей регулярно задавала сама жизнь, пристра-

стилась к чтению, и именно оно вскоре стало ей необходимо, как само дыхание. Это была самая настоящая зависимость от книгочтения.

Лида стала хорошим терапевтом и прекрасным диагностом. Она по-настоящему любила своих больных, свято верила в чудодейственные силы и способности медицины, беспрекословно исполняла клятву Гиппократу, которому однажды присягнула. Она пальцами чувствовала болезнь, приложившись ухом к телу пациента, могла определить невидимые для глаза очаги развивающихся недугов. Она применяла новаторские сочетания способов лечения и добивалась поразительных результатов.

Для всех своих больных, а они в основном были много старше ее самой, она стала Лидией Алексеевной, а позже просто уважительно Алексеевной.

Молодой шахтерский город с символическим названием Шахтинск принял молодого доктора и ее семью с распростертыми объятиями. Так сильно он нуждался в молодых специалистах. Сам был молод, пяти лет от присвоения статуса города, и постепенно заселял себя такой же молодежью, приехавшей из разных уголков для строительства объектов, необходимых для населения. Основными жителями города стали шахтеры, строители, учителя и врачи. Они приезжали одновременно десятками, иногда казалось, шли настоящим потоком. Едва-едва администрация города успевала обеспечивать их квартирами, местами в детских садах, в новых, открывающихся одна за другой, школах.

Шахтинск рос на глазах и вскоре превратился в красивый, удобный во всех отношениях для жизни, город. Вместе с ним выросли и мы, дети приехавших молодых специалистов, а сами они в скором времени стали профессионалами, мастерами своего дела.

Лидия устроилась на работу в городскую поликлинику участковым врачом. Арсентий проработал четыре месяца в шахте, и этого срока ему вполне хватило, чтобы понять, что шахта и он – это две взаимоисключающие вещи, антагонисты, если можно так сказать. Он не часто рассказывал о своих шахтных впечатлениях, но одну фразу повторял частенько: «Ни за какие деньги в мире я бы не согласился даже переодеться в робу, а спускаться в шахту тем более». Действительно, трудно было представить его шахтером. Он был чистюлей, какого еще свет не видывал. И настоящим франтом. Всегда предельно педантично относился к своему внешнему виду и к порядку в доме. Идеальная чистота в их двухкомнатной квартире была, в первую очередь, его заслугой. Можно было подолгу любоваться движениями его ног, когда он натирал специальной мастикой новенький, еще пахнущий свежеспиленным деревом, паркет. Это было сродни фигурному катанию. Одевался всегда по последней моде. И у него шикарно получалось носить брюки-дудочки, туфли-лодочки, шляпу на бочок. Причем туфли он носил круглый год, даже в лютый мороз. Он умел одним движением руки так уложить свой волнистый чуб, что прическа держалась целый день. Рано утром он был всегда чисто выбрит, пахло одеколоном, которого он никогда не жалел и щедро наливал его себе на ладони, а потом хлопал ими по щекам. Аромат свежесваренного чая разносился по комнатам. Лида на работу уходила рано. И поэтому Ира всегда завтракала с отцом. Он любил бублики с маслом и конфеты «Премьера». Это было очень вкусно, поверьте мне.

Арсентий стал учителем физкультуры в новой, только что построенной школе. Школа была сдана в аккурат к началу учебного года. Красивая, современная, просторная, выстроенная из светлого кирпича, она приняла своих первых учеников. А на боковой стене с помощью мозаики строители запечатлели годы начала строительства и сдачи в эксплуатацию.

Арсентий в тот же год поступил на заочное отделение Алма-Атинского института физкультуры и спорта. Лида помогала ему выполнять к сроку контрольные работы по общим предметам. Вспоминается, как она медленно выводила буквы, умирив свой торопливый неразборчивый почерк, стараясь приблизить его к каллиграфическому мужу.

Однажды на летнюю сессию они поехали втроем. Лида с Иринкой отдыхали в доме отдыха, Арсентий сдавал экзамены. В тот год случился советско-китайский вооруженный кон-

фликт. На границе с Казахстаном участились массовые нарушения. Помнится напряжение и чувство беспокойства, которое витало даже в воздухе. Отпуск тогда пришлось прервать по причине этой сложившейся ситуации и близости города к границе.

В тот самый год Иринка окончила первый класс. В мае она гордо держала в руках колокольчик, сидя на плече выпускника. Последний звонок возвестил об окончании учебного года.

Дома им всегда было хорошо и уютно ВМЕСТЕ. Лида организовала для Иринки игровую комнатку, приспособив для этого большую кладовку. Акварельными красками расписала стену, срисовала с новогодней открытки Снегурочку со снегирями на ладони, темно-изумрудные ели в снегу. А снежинки, которые исполняли воздушный танец, они нарисовали вместе, крупные и поменьше. Арсентий изготовил из тонких реек полочки для детских книг, которых было так много, что они были размещены в четыре стопки соответственно размерам. Полки окрасили в нежно-голубой цвет и там же, рядом с книгами, на свободных местах, разместили мелкие игрушки. Куклы сидели отдельно. Большая резиновая германская кукла с изумительными светло-золотыми кудряшками приехала вместе с небогатым скарбом из Кызыл-Орды. У куклы были небесного цвета глаза, белое в синюю полосу платье и белые бусики вокруг шеи. Иринка гордилась своей «куклой с золотыми волосами» и не выпускала ее из рук. Это отец привез ей такой подарок из командировки. Еще был большой пупс, тоже немецкого производства. Его, вместе с красной ванночкой, ему предназначенной, вручила дочери Лида как раз, когда они были на отдыхе в Алма-Ате. Иринка тогда сильно расстроилась, потому что в первый же день потеряла башмачок от голубого костюмчика этого пупса во время обеда в столовой дома отдыха. Она в тот день всем показывала свой подарок и не заметила, как башмачок соскользнул с ноги куклы. Еще в тот день на обед давали неповторимого вкуса суп-харчо.

Позже был куплен мебельный набор, который тоже установили в детской комнате. Это был квадратный столик и стульчик, светлого дерева, покрытый лаком. На спинке стула была картинка маслом, представляющая собой кошачью семейку. Папа – кот в зеленых штанах, мама – кошка в сиреневом платье и дочка – кошечка в розовом костюмчике. Они крепко держали друг друга за руки и, казалось, пели песенку, весело шагая по дороге. На стульчике этом сидел и Иринкин младший брат, представляя себя мотоциклистом, а потом и ее дети. За этим столиком она проводила свои вечерние занятия и игры. За этим столом учился читать по буквам, а затем по слогам, и ее закадычный друг Сашка, соседский мальчишка годом младше. Он был старшим сыном соседки Нины, молодой женщины, у которой вскоре родились братья-двойняшки Сережка и Валерка. Нина еле-еле справлялась с малышами, и Сашка все вечера проводил с Иринкой. Они хорошо дружили до тех самых пор, пока она не пошла в школу.

По выходным Лида с дочкой занимались различными творческими делами, на которые она была большая выдумщица. То платье, вдруг ставшее малым, перешивает, комбинирует, подбирая по цвету, то вяжет крючком панамку или шляпку от солнца, то бисером расширяет маленькую сумочку. На праздники украшали торт, вырезая из мармеладных конфеток буквы. Летом выходили в степь и устраивали пикники. Расстилали покрывала, загорали, играли в бадминтон, катались на велосипеде. Осенью гуляли в парке. Зимой гоняли на лыжах или санках, съезжали с высокой сопки или с горок, полученных благодаря снегозаградителям.

А как раз в тот год, когда Иринка стала первоклассницей, Лиде исполнилось тридцать лет. На свой день рождения она получила в подарок новенький фотоаппарат «Зоркий», о котором давно мечтала. С тех пор он стал неотъемлемой частью их совместных дел и развлечений.

Лида пахла лекарствами. Духи, о которых она так мечтала, у нее были. Разные. С ароматом сирени и ландыша. И еще одни, какие-то особенные, в большом синем флаконе причудливой формы. «Пани Валевска» назывались. И все-таки она пахла лекарствами. Так пахли все, кто работал в терапевтическом отделении городской больницы, где впоследствии и работала доктор Лидия Алексеевна. Ее легкую быструю походку издали узнавали больные, готовые к врачебному обходу. Халат ее всегда был белоснежным и хрустел от крахмала. Иногда на ноч-

ное дежурство приходилось брать и Иринку, которая с раннего детства знала этот запах и ловко пользовалась медицинской терминологией, устраивая игры с куклами, а позже и с подружками. Она открывала тетрадь, брала один из рецептурных бланков, по счастью доставшихся ей от старшей медицинской сестры, и писала, громко проговаривая слова: «Диагноз – плохое!!!»

В тридцать три года Лида родила сына. С этого момента они прекратили свои путешествия к Черному морю, на котором успели побывать целых три раза. И даже к сестре своей Тамаре Лида перестала ездить, тогда, как ранее такие поездки были регулярными. Они были очень близки, эти две сестры, и одновременно очень разными. В жизни Лидии с рождением второго ребенка произошел переломный момент, о котором она не подозревала и не была готова. Теперь и в их доме надолго поселился запах лекарств...

...«Ира!!! Ира!!!» – тихо, почти беззвучно крикнула Лида, собрав последние свои силы. Но я не успела ее услышать, и тогда она решила уйти... Она ушла одна... И лишь прошептала в тишину: «Живи!»

Глава третья

Вера

В школе я всегда рисовала на доске мелом, объясняя своим ученикам строение различных органов, составляла опорные схемы и таблицы для лучшего запоминания учебного материала. Особенно хорошо у меня получались хромосомы, и поэтому, наверное, мои выпускники на празднике последнего звонка пели песню как раз о том, как я рисую мелом какие-то нити, имея в виду хромосомы. Тысячи раз я изображала круги кровообращения и строение корня растения, которое вызывало особое умиление у моих школьников. Даже, сейчас, когда полным-полно разнообразных новых технологий и методик, и любой рисунок легко можно найти в интернете, я рисую на листах бумаги все те же схемы, вывожу упорно привычные линии с четким ощущением, что так правильнее всего.

Точно так рисовала Вера. Вера Сергеевна. Моя учительница биологии.

Она окончила «Тимирязевку». В вопросах растениеводства разбиралась так, что позавидовал бы любой преподаватель ВУЗа. По крайней мере, все доценты, кандидаты наук и профессора, которые преподавали у нас в университете, ни в какое сравнение не шли с Верой. Всеми теми знаниями, которыми я обладала и обладаю сейчас, я обязана только ей. Она была лучшим моим источником знаний.

Вера не была красавицей. Но в то же время она была очень красива своей внутренней наполненностью и интеллигентностью. Ее большие голубые глаза излучали столько тепла и света, что хватило бы на весь наш город в годы перестройки. Небесный цвет ее глаз всегда подчеркивали большие серьги с такими же голубыми камнями. Мелкие кудри русых волос всегда очень красиво лежали на ее маленькой голове. И вся она была миниатюрной и аккуратненькой, словно статуэтка.

Она рано развелась со своим мужем, поселила его рядом с собой, все время присматривала за ним, и вообще у них, надо сказать, на всю жизнь сохранились близкие родственные отношения. Именно таким способом они сумели сделать развод гораздо менее болезненным для своего единственного сына Жени.

Вера жила со своей матерью. Это была старушка такая же чистенькая, аккуратненькая и интеллигентная во всех отношениях, как и ее дочь. Она варила для Верочки супчики, готовила легкие диетические блюда из мяса и всевозможные кашки, в которых та очень нуждалась после операции. Операцию по удалению части желудка Вере назначила моя мама, будучи ее лечащим врачом. Это было первый раз, когда Вера не сдержала эмоций, плакала и кричала, узнав о своем диагнозе. Она прожила потом еще очень долго.

Верочкина мама была не только прекрасной кулинаркой, она была исключительной рукодельницей. Не было, казалось, такого, чего бы она не могла сделать своими руками. Она шила шубы и пальто, вязала кофточки и жилетики, делала из лоскутов оставшейся ткани удивительные сумки с аппликациями, украшала вышивкой маленькие диванные подушечки. Одну такую «думочку» она даже подарила мне на свадьбу. Такая подушечка предназначалась молодой паре, чтобы та в случае ссоры ложилась на нее, прижавшись головами, и примирение должно было наступить само собой. К сожалению, в моем случае «думочка» не помогла.

Я влюбилась в Веру Сергеевну и вслед за этим полюбила биологию. Теперь я точно знаю, чтобы ученик полюбил предмет, нужно быть для него самой-самой. И успех гарантирован. Я тоже стала учителем биологии, тем самым сполна отплатив Верочке за все, что она в меня вложила. Ведь нет большего счастья для учителя, чем успехи его учеников. А Вере Сергеевне было чем гордиться. У нее много врачей и целых два учителя биологии.

Она долго проработала в школе, еще в семьдесят лет свободно вела уроки и была репетитором для тех, кто продолжил ее дело. Первую свою статью в газете я посвятила именно ей и назвала эту миниатюру «Маленькая женщина с голубыми глазами».

Глава четвертая

Ольга

Она первая решила уехать из безнадежно холодного города с пугающими чернотой глазницами окон опустевших квартир. Многие тогда уехали. И брошенные, никому не нужные дома, долго еще ожидали своих, бежавших в неизвестность, хозяев, вглядываясь вдаль забытыми наскоро досками или фанерой «глазами».

Ольга полюбила свою новую квартиру с первого взгляда. Есть где разгуляться! Целых три комнаты в новом благоустроенном доме. И главное, двор, к которому уже так привык сын, тот же самый. А новая квартира прямо как царские хоромы, не то что старая, однокомнатная малютка.

Ольга очень любила гостей. Принимала по человек пятнадцать-двадцать у себя дома. Принимала радушно. Хлебосольной хозяйкой была всегда. Готовила вкусно, много, изысканно. На стол ставила красивую посуду, блюда украшала с фантазией, продуктов никогда не жалела, и поэтому они непременно получались удивительно вкусными. И сама она, и ее дом всегда были образцового порядка. Друзья мужа частенько этим самым укоряли своих нерадивых жен, приводя в пример им Ольгино искусство устраивать праздники для души и тела. За ее щедрость, способность находить общий язык с незнакомыми, за умение дружить люди тянулись к ней всегда, одновременно завидуя и белой, и черной завистью.

Оля росла маминой и папиной любимицей. Мать ее, как истинная домохозяйка, была беззаветно предана семье и всю свою жизнь посвятила заботе о муже и детях. Рано утром она кормила мужа завтраком, специальным образом заворачивала в газету «тормозок», который только так заворачивают шахтеры и обычно никому не доверяют это священное действие. Она подолгу стояла в длинных очередях, чтобы добыть колбасы и еще чего-нибудь вкусенького для своих домочадцев. Потом изобретала рецепты новых блюд, стараясь пореже повторяться и почаще поражать мужа шедеврами кулинарного искусства. Только тихими вечерами, когда вся семья уже спала, она позволяла себе заняться любимым делом. Дешевый отрез ситца ловкими движениями рук и острых ножниц превращался в заготовку для будущей обновки. К утру на спинке стула у дочери висело новенькое летнее платьице. Поставив Лелю перед собой, мать, всплеснув руками, умилялась каждый раз: «Какая красавица! Куколка!»

Оля очень любила ходить в школу. Училась она, надо сказать, средне и особой тяги к учению не испытывала. Зато обожала общение с одноклассниками, придумывала разнообразные школьные мероприятия, чем значительно облегчала жизнь своей классной руководительнице Валентине Васильевне и слыла среди школьников ее любимицей. Иногда после уроков девочки забегали друг к другу в гости, чтобы вместе подготовить домашнее задание или обсудить сценарий предстоящего праздника. Оля рано начала замечать, как по-разному живут семьи ее одноклассниц. Засматривалась на красивую мебель, в своих девичьих мечтах примеряла увиденные на своих подружках или их старших сестрах нарядные блузки, брючки и сапожки. А при виде шоколадных «Мишек», лежащих горкой в хрустальной конфетнице, у нее начинало «сосать под ложечкой», и «текли слюнки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.